

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

А. В. Хижняк

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

Современное индивидуализированное общество, в котором индивид начинает ощущать радость обретения гражданских, политических, экономических свобод, сталкивается с глобальной опасностью – зависимостью от множества рисков, усугубляющих неравенства и вызывающих социальное исключение. Реакция на последнее в рамках проводимой различными странами социальной политики тем эффективнее, чем полнее социологическая информация о рискогенности тех или иных ситуаций, находящаяся в распоряжении властных и управленческих структур. Концепции глобализации риска, разработанные прежде всего Э.Гидденсом и У.Беком [1], обратили внимание на среду риска, отчужденную от человека и существующую над ним и его деятельностью, а это актуализировало не только проблему взаимосвязи современности и риска, но и обозначило факторы рискогенности существования различных индивидов и групп, особенно тех из них, кто не в состоянии воспользоваться социальными благами и своими законными правами.

Цель нашего исследования – определить теоретико-методологические подходы к анализу факторов социального исключения, которое провоцируется обществом риска.

Общество, базирующееся на принципах “компенсации”, “поддержки”, социальной справедливости и равенства возможностей, не может быть равнодушным к такому явлению, как социальное исключение. Феномен социального исключения трактуется по-разному: как состояние неблаго-

получия и бедности; как проблема социального обеспечения; как фактор деятельности – трудоустройства, заработка, отстаивания своих прав и свобод [2, с. 164]. Различные социальные группы должны иметь возможность компенсации своего невыгодного материального, финансового и т.д. положения, получения помощи в противодействии временным и постоянным нехваткам ввиду болезней, безработицы и т.д. В противном случае их социальное поведение становится хаотичным и трудно предсказуемым.

Социальное исключение универсально и может восприниматься отдельными индивидами (группами) как несправедливость. Так, современное западное общество (информационное), по мнению П.Химанена и М.Кастелса, «подключает к себе тех людей, которые представляют для него ценность (и создает им дополнительную ценность), и отключает тех, кто не имеет для него ценности (снижая тем самым их способность к обретению ценности) [3, с. 90]. Преодоление такого неравенства возможно через предоставление нуждающимся социальных услуг (прежде всего, в области охраны здоровья, обеспечения правопорядка, социального обеспечения, образования, снижения налогов) [Там же, с. 102]. Однако в обществе риска, возникающем в процессе размывания контуров индустриального общества, как правило, воспроизводятся рискованные практики без адекватных систем их регулирования.

Существует множество концепций риска, отличающихся масштабом проблемных ситуаций, предметной направленностью, методами оценки, сам риск приобрел статус общенаучного понятия, а социология риска стала важной частью рискологии. Снижению рисков социальной, природной, техногенной и т.д. опасности на тех или иных территориях может служить диагностика факторов рискогенности конкретных ситуаций, в которых задействованы те или иные индивиды и группы. Для этого, на наш взгляд, целесообразно исходить из следующих теоретико-методологических посылок: *во-первых*, производство рисков выступает самостоятельным видом социального производства, больше того, социально сконструированные риски наблюдаются практически во всех структурах и процессах, когда сами ресурсы жизнедеятельности воспроизводятся одновременно с воспроизводством рисков. *Во-вторых*, в обществе риска возникают новые общности – общности “жертв риска” и “производителей риска”, формируются риск-солидарности, цель которых – защищать определенный порядок.

На наш взгляд, рискогенность различных систем и сфер общества неоднакова как в пространстве, так и во времени и обуславливается прежде всего действием таких факторов:

1) *уровень социально допустимого или приемлемого риска* в обществе и его подсистемах, ведь известно, что существуют социокультурные и социально-политические, национально-государственные особенности восприятия риска (они обычно определяются угрозами, которые он несет);

2) *степень сложности, опасности конкретных жизненных ситуаций, в которые попадают отдельные индивиды и группы* в результате нарушения их прав (в данном случае речь идет о так называемых рисках социальной эксклюзии и их восприятии [4, с. 516]);

3) *эффективность действующих институтов социальной защиты, систем безопасности и социального страхования от рисков;*

4) *степень готовности индивидов и групп к отдельным видам риска;*

5) *степень развития креативности мышления, самоохранительного поведения, самоменеджмента, индивидуальной и коллективной ответственности индивидов;*

6) *уровень социальных страхов, возникающих в ответ на длительное пребывания индивидов в рискогенных ситуациях.*

Осознание рискогенных ситуаций как социальных проблем делает их объектом социологического изучения. При этом риск незнания становится менее угрожающим, чем “риск в знании” (по У. Беку), что повышает социальную ответственность социолога за качество разрабатываемых им технологий профилактики рисков и снижения масштабов социального исключения. Пренебрежение рисками становится угрожающим для выживания и устойчивого развития социума, поэтому рискам человечество противопоставляет системы безопасности (информационной, экономической и т.д.) и технологии преодоления критических ситуаций и катастроф, что повышает востребованность социологического знания факторов риска.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну /Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Саєнко Ю. Соціальне виключення //Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2000. – №2. – С. 164-165.
3. Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель: Пер. с англ. – М.: Логос, 2002. – 224 с.
4. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы //Россия, которую мы обретаем /Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 507-541.